

«Ехал поезд с Ленинграда...»

Брянщина в годы войны по рассказам местных жителей

Михаил Алексеев
Петр Анатенок
Ксения Демидова
Мария Немилова
г. Санкт-Петербург

Летом 2015 года мы ездили в фольклорно-этнографическую экспедицию в Брянскую область, где записывали рассказы и песни о войне. Мы учились работать с фольклором на примере материалов военных лет: сначала собирали его в экспедиции, затем расшифровывали полученные записи. Это оказалось очень увлекательно, и на основе собранных материалов мы решили написать это исследование.

Начало войны и период оккупации

Уже в первые дни войны, в июне 41-го, над Брянской областью летали вражеские самолеты. Вот как рассказывала о начале войны Вера Павловна Ольховая из села Петрова Буда (как почти все, кого мы расспрашивали, она говорит с сильным белорусским акцентом): *«Я окончила до войны сем классов — это у сорок первом году. У мае месяце нас распустили, а двадцать второго июня уже началась война. Мы всё бегали к сельсовету, слушали радива, и так мы и говорыли: “А, это нядели две-тры, ну месяц...” А она пять лет пошти продлилась.*

Ну, а уже с первого июля нас усех трудоспособных погнали копать противотанковые рвы, чтобы танки сюда не прошли. И мы копали весь июль...»

24 июня 1941 года Брянская область перешла на военное положение, началась мобилизация в армию, а мирное население привлекли к производству оружия. Были организованы учебные пункты, в которых людей обучали военному делу. Это пригодилось, когда стали формироваться партизанские отряды. В августе, после создания Брянского фронта, началось строительство защитных сооружений.

Брянск был важным промышленным городом и транспортным пунктом, через который проходила перевозка солдат, оружия и боеприпасов.

О том, как уходили на фронт, нам рассказала жительница деревни Овчинец Нина Александровна Овсянникова: *«Помню, как провожали папу. Только вот не помню число и день, знаю, что где-то в августе... в 41-м году. Я помню, как он меня вёл за руку, а сястру нёс на руках (ей был годик), а мама несла его сумку».*

Солдаты защищали Брянщину с севера, запада и юга и сдерживали немцев около двух месяцев, но оборона была прорвана и край оккупировали фашисты. В оккупации люди переживали и голод, и страх, несправедливость и издевательства со стороны не только немцев, но и местных полицейских. Об этом нам рассказывала Нина Александровна Овсянникова в деревне Овчинец Суражского района: *«Я помню хорошо, когда мы жили с немцами. Но немцы у нас в селе вредного ничего не делали... Мы вот тут около колодца, а они моются,*

лошадей поют, а мы сидим: босиком, цыпки на ногах, аж кров текёт, и ждём. Они соберутся, нас шоколадками угощали, но не полностью, по кусочку, по долочке. Если шоколада нет, они по грудке сахару нам давали, и мы уже их ждали. А вот свои полицейские, их, наверно, человек 15 было в селе, вот эти творили чудеса. Да, потому что староста здесь, на нашей улице, жил... Издевался, как хотел над людьми: и раздевали, и скот отбирали, и яйца куриные, всё забирала только свои...»

Староста деревни Овчинец не проявил никакого патриотизма и никакой жалости к людям. Он из злобы хотел сдать 180 односельчан немцам — якобы за связь с партизанами, хотя, возможно, некоторые действительно им помогали. В этом списке оказалась и мама Нины Александровны. Но один человек, который был связан с партизанами, но для вида работал на немцев в гестапо, обнаружил этот список. Он сам был из Овчинца и всех этих людей знал лично. Он уничтожил список, а на этого злого старосту написал донос.

О том, что ее мать находилась на волосок от гибели, Нина Александровна узнала намного позже. В 1955 году она работала в Суражской больнице вместе с женой того самого человека, который фактически спас почти две сотни своих односельчан. От нее Нина Александровна и узнала подробности этой истории.

Среди полицейских были разные люди. В некоторых селах они старались смягчить положение жителей, а также держали связь с партизанами.

Удивительно, что многие очевидцы говорили нам, что партизан боялись не меньше, чем немцев. Возможно, потому, что те, кого мы опрашивали, во время войны были детьми и не всё понимали, а те «партизаны», которые отнимали последние крохи у многодетных семей, были вовсе не партизанами, а грабителями.

Вот так нам рассказывали о партизанах в деревне Костенечи: *«Всякия были и партизаны, и немцы. Моя мать зарезала кабана большого. В печи были ковбасы обжаривались, а они пришли, партизаны. “И чаго, как вкусно у тябе, хозяйка, как пахнешь... в печке!” Яна говорить: “Я вас угощу”. Ну, я, говорить, вытяну две больших и им даю. А они все забрали, хоть бы одну деткам оставили.*

У нас же во тут леса кругом, и там хутора были, ещё там сёл богато... Так были такая, что под видом партизан ездили во по сёлах, и забирала усе... просто грабили. Во, моя свекровь рассказывала, гврить: “В день боимся немцев, в ночь боимся партизан. Як загавкали собаки на горе, это уже едут партизаны. Дак то не партизаны были, хапуги”. А были, гврить, такая партизаны, что они шли во на Унечу, на Рассужу, на жалезныя дороги, на станции. Яны зайдуть, попытають: “Ти есть в тябе хоть крошка хлеба, и портянки дай переодеть, переобуть». Во, гврить, то были партизаны. А это так... ”»

Не было семьи, в которой не случилась бы какая-то своя беда. Но самое страшное, когда близкие люди становились заклятыми врагами. Трагическую историю поведала нам Екатерина Онуфриевна Мельникова.

У одной женщины было два сына. Один из них пошел в лес к партизанам, а другой перешел на сторону немцев и был полицаем в деревне. После того, как освободили эту территорию от немцев, брат-полицай пошел повиниться к брату-партизану. *«Я уже, наверно, подойду, дак можа мяне брат помилует, дак приметь».* Так тот, который партизаном был, прямо при матери убил своего брата-предателя. Мать старалась защитить своего сына, но безуспешно. *«И*

матка его тянеть, за плечи взяла, тянеть сына этага. А тому партизану даже хоть бы што. И кров тячет по ей, и йна волокла яго. А брат брата забив и всё».

Люди в оккупации переживали страшный голод. Ели то, что нам, людям, живущим в мирное время, показалось бы несъедобным. О голоде нам рассказывала жительница поселка Небольсинский Нина Гавриловна Сенина: *«Ели и липовый лист... И осот ели, и крапиву ели, всё на свете, что было... Щавель был — в банку скорей, какую банку найдешь... ну, тада в банку, на костёрчик...»*

Но тяжелее всего было тем, кто попадал в тюрьму по той или иной причине. О том, что они пережили, нам рассказывала жительница поселка Сенькин Ров Мария Яковлевна Галянок. Ее арестовали вместе с матерью и сестрой: *«...Мы пошли в четвёртый класс, и вот из четвёртага класса нас арестовали и забрали в тюрьму с сямьёю. Потому что отец коммунист был, брата арестовали за связь с партизанами и ён сбежал, ушёл в партизаны. Он ушёл из-под стражи, а на другой день нас арестовали з матерью... сястра и мяне... иише семь сямей с Костенич... и бросили в тюрьму. И шесть месяцев мы были в тюрьме, под расстрелом... Ежедневно ждали расстрел, кого когда расстреляют. Расстрелы шли, в 12 часов приезжаешь чёрный ворон, набираешь, а мы ж ня знаем, кого будуть брать. Прощаются дети с матерями, друг с другом прощаются, кого будуть седни брать. Потом нас у Клиницы отправили. Из Костенич этих на паруки люди взяли семьи, а нас и некому было брать, да и боялися нас брать, что отец коммунист, брат партизан, нас некому было брать. [Мы] были жестокие преступники немцам...»*

Ну, и отправили нас в Клиницы. Набили нас 180 человек у камеру... из 4-х районов нас набили, и мы так, не лежали, не сядели, а впритык вотак, один к одному прижавши были. Но потом разгрузили: молодежь в Германию отобрали, а мы остались. И так мы страдали на этих нарах: клопы, вши, блохи, параша... В день нам 150 грамм хлеба овсянага, во такая широки [Мария Яковлевна показывает 4 пальца], и кружку баланды, с бурака с ботвы. Во, насякуть лопатою, зварють и кружку нам, там... литры не было, можа тры четъвярти литры...»

Нам даже трудно вообразить, что испытывали заключенные.

«А сядуть женицины, плачуть-плачуть, а тады сядуть во так во [рукой подперев щеку] и песни запоють... Даже в тюрьме мы сидели в камеры, такие голосы были у женицин, многа, со всего района ж... И вот запели: “Звенишь звонок насчет поверки...” И вот як гаркнуть! Охранник ту-ту-ту... щас засов в камеру... и вы понимаете... во так во прискочить, во так во станешь к стяне во так во и стоять, покуда закончуть песню, а потом можешь: “Прекратите песни”. Вот такие были люди... А голосы, голосы у этих женицин!»

Некоторые жители деревень и сёл поначалу не думали, что на их долю выпадут такие испытания, они-то считали, что их жизнь с немцами будет лучше прежней, но потом поняли, что глубоко заблуждались. О том, как встречали немцев, нам рассказывала в поселке Сенькин Ров та же Мария Яковлевна: *«А потом як... с хлебом-солью встречали немцев... некоторые выходили и во... хлеб-соль. А ён як дал чёсу тута нам, тады уже опомнилися люди, что к чаму».*

Немцы тоже вели себя по-разному. Встречались такие, которые совершали и хорошие поступки. Об этом нам рассказывала Лидия Ивановна Хорунова из

деревни Лопазна: «Один раз я пришла, там машина была такая [показывает], вот такая длинная, пленных вязли откуда-то. Такая квадратика у вярху, и они руки протягивают у тую дирку. А я принясла путинок гурков. На калясо стала и подаю. А немцы ходють и бьють во так во хнутиком по рукам их, тых людей. А я встала на калясо (я ж маленькая ще бала) и у руки даю им, они хватають. Один такой шофёр тэй машины подошёл, за уши взял и об землю. Тады хорошо, что асфальту не было! А тады другий подыходя, высокий такой, увесь в ремнях. Того за шкир моття и об землю самого. Те самый начальник. Вот те крест на мене, я правду говорю».

Немцы стремились психологически воздействовать на население. Поэтому они сбрасывали листовки, чтобы переманить жителей на свою сторону или сломить их моральный дух. О таких листовках нам рассказывала уроженка деревни Дубровка Анна Дмитриевна Значкова: «А немцы ище листовки кидали. С самолёта мешок высыпали, и вот кажется — летают бабочки, мелькает что-то — листовка летит. А в листовках было: “Бей жида, политрука, рожка просит кирпича”. Это они против советских».

Психологически воздействовать пытались не только немцы, но и русские. Удивительно, но Анна Дмитриевна, которой, когда мы ее опрашивали, было 84 года, помнила содержание листовки, которую прочитала в далеком 1943 году. «А когда уже отступали немцы, и наши самолёты летали над дяревней, наши тоже листовки кидали. И я однажды подняла такой листок и прочитала. А страшно же, надо ж было его запрятать от немцев. Печатными буквами написано:

**Интярэсную картину
Предстоит нам посмотреть,
Как на площади Берлина
Гитлер будет сам висеть.**

**От земли на метров десять
С туго стянутой петлэй
Меж столбов яго повесить,
Чтобы видел люд честной.**

**А когда же закопають
На кладбище на глухом,
Сверьху камнями придавят,
Надпись сделают потом:**

**“Здесь ляжить под камнем сим
Бывший Хвюрер — сукин сын,
В жизни пыжился, кривлялся,
Покорить народ пытался,
Сделать этага не смог
И на виселице сдох!”**

Вот такой стих».

Очень много людей было уведено в Германию из-за нехватки там рабочей силы. Увозили огромными партиями.

«А на поезде как сажали тада: впереди паровоза вагоны были такие — просто площадка, и всё, на эту площадку сажали... посадили нас увсих, и впереди

поезда вагоны эти. А делалось это для того, чтобы в случае, что на мину нарвётся, дык чтоб первых уже нас, а поезд цел остался...»

По пути делали остановки в лагерях, где тоже были нечеловеческие условия.

«И довели до Клинцов. А в Клинцах-то мы сидели несколько дней в лагере тоже с военнопленными. Господи, только говорить неудобно, чуть ваши не зъели всех!..»

После прибытия всем угнанным ставили клеймо: буква, порядок цифр или цветное пятно. *«Потом нас выгнали на площадь, ну, и начали... Нам сказали: “Становитесь по семьям”. Мы, еще трое, брат был же. Вот нас — кому желтое клеймо, кому синее, кому зеленое. Клеймили краскою... Там были покупатели, уже с Германии была покупательница... Вот нас заклемили и из Калужской области две семьи заклемили одинаковой краской, а хозяйка эта ходит и смотрит, какое ей досталось клеймо. Вот, например, мы зеленые и те зеленые. Она нас называете и ведешь с собою...»*

Довезли до Польши. У Польше усих вроде в баню, там помыли в бане и каждому на лоб штамп поставили и номер на шее. Уже мы эти хвамилиши потеряли, только по номеру были.

У Польше город Лида, город Лида, вот поставили уже на руку штампы. На руке же поставили буквы: мне попалась буква “Д”. От из-за этой буквы запретили одевать рубашку, только руки голые все. И по этой букве уже приезжали покупатели, как говорить, в этот лагерь — немцы, которым нужны рабочие. Вот и по этой буквы брали: вот у меня буква “Д”, и я попал в Десау...»

В Германии встречались хорошие немцы. Угнанный в Германию житель Василий Иванович Темняков из села Брянкустичи рассказал о его дружбе с ветераном Первой мировой: *«Немец быв такой старый-старый, калека-немец, Казав: “Я русских солдат не боюсь, я боюсь казаков”. В ту войну яго казаки поймали, ноги повыкрутили и пустили... Да, в Первую мировую... Я пясок нагружал на повозжу, а он возил. Я ему помогав уже, ён мне тоже... старичок был сознательный, як тока хозяин идешь, так тады: “Подымайся!” или что-нибудь... А як только хозяин пошёв, так: “Посяди, посяди”. Жалев, ён мяне юнгой звал усё... Ён на мяне всё тока «юнга, юнга, юнга». А я уже с йим научився: я яму рассказав якия слова. Если на конях... коня подгонять, у нас “Но!” говорить, а ён по своему “Гия!” кричишь на них. Я говорю: “По-нашему ‘Но!’” И вот ён крычитъ: “Но!” Хороший был дедок, хоть и немец...»*

Были в Германии группы, призывавшие к сопротивлению: *«Ну, там какия-то организации были. Находили мы таким листовочки, вроде вот... Написано:*

*Друзья! Вы там бяз дела не сидите:
Как можете, так немцам и вредите:
Бейте, жгите и ломайте,
Ни на миг не забывайте,
Что своей вы Родины сыны!»*

Среди угнанных были и такие, которые не добрались до Германии, остались в Польше: *«...До Германии нас не допустили, в Барановичах остановили — это Барановичи межуются с Польшею, недалеко от Польши — граница. Тут приехали какие-то люди на лошадях, вот разбирають в работники надо были. Нашу маму никто не бяретъ, потому что у нас пятеро детей, работать же*

надо, а ей работать с детьми: маленькая — один под один, ну никто не берет. А потом один священник и говорит: “Я эту кобету (там говорить не “женщину”, а “кобету”) забираю”. И нас забрал этот батюшка...»

Приходилось жить на месте до освобождения Брянщины или даже до окончания войны и потом возвращаться домой.

«Мы жили там, питались мы конечно вместе с ними, ну, а побираться все равно (не “побираться” там называется, а “шабровать”) ходили по поселку, потому что это у нас в крови было так-то. Пойдем, и что-нибудь вкусенького дадут. Да, давали люди и хлебушка, и муку, крупу, к празднику яичек и сальца дадут. И все, все вот так-то. И вот однажды идем, несем сумочки свои, едут немцы навстречу, полищеи. Мы покидали эти сумочки и в костел побегли, в польский. Они слезли, поглядели в наши сумочки, поразвярнули, что там ничёга нету, и поехали своей дорогой. Мы тогда выскочили из костелика и скорей домой. И больше побираться не стали ходить. А потом сюды приехали, неделю с Барановской области ехали до Ржаницы на товарном поезде. Хлебушка заработано было, мука была, рожь была. Нас обокрали, как голую белку. Да это уже в 45-м было. И вот мы приехали сюда на пепелище».

Освобождение Брянщины и жизнь до победы

Оккупация немецкими войсками Брянщины длилась почти два года: с октября 1941 по конец сентября 1943 года. Первая попытка освободить эти земли, предпринятая в марте 1943-го, не увенчалась успехом. Наступлению наших военных помешала оборонительная линия «Хаген», сооруженная вдоль правого берега Десны по приказанию немецкого командования.

Вот как о строительстве укреплений в окрестностях Брянска рассказывает газета «Правда» от 18 сентября 1943 года: «Когда гитлеровцы потерпели непоправимое поражение под Орлом, они всеми силами пытались удержаться западнее его. Но немецкие войска не выдержали сильного удара наших войск и вынуждены были откатиться почти на сто километров к западу. Только за Карачевом, уже собственно на подступах к Брянску, немцам удалось зацепиться за лесной массив и построить оборону.

На сооружение оборонительных поясов вокруг Брянска немцы гнали тысячи мирных советских граждан. Немцы устраивали многодневные облавы на мирное население, спрятавшееся в лесах, и отправляли тысячи людей на оборонительные работы к Брянску и на берега реки Десны. Здесь от голода, непосильного труда, от болезней погибли тысячи жителей деревень, прилегающих к брянскому узлу сопротивления немцев. На строительстве оборонительных рубежей погибло также много военнопленных и мирных жителей, привезенных сюда из районов Белоруссии и Смоленской области».

Переломным моментом в освобождении Брянщины стал сентябрь 1943 года.

В сводке информбюро об этих событиях говорилось так: «На Гомельском направлении части Н-ского соединения ночью переправились через реку Судость и на рассвете атаковали немцев, оборонявших город Погар. В ожесточенной схватке советские бойцы разгромили вражеский гарнизон и овладели городом. Уничтожено до 1500 немецких солдат и офицеров. Захвачены 25 орудий, более 100 пулеметов, два вещевых, два инженерных, артиллерийский и продовольственный склады.

В лесах в районе Клетни и восточнее Погара наши войска освободили около 100.000 советских граждан, которых немцы угоняли на каторгу в Германию».

22–23 сентября советские военные вошли в Мглин, Стародуб, а также важный железнодорожный узел Унечу, куда позже перевели штаб Брянского фронта. Тогда же к западу от Клетни и на севере Суражского района нашими частями была форсирована река Ипуть.

Вот как об этом вспоминает очевидец этих событий Нина Александровна Овсянникова: *«Вы знаете, Овчинец освобождали полтора суток, у нас был большой бой за наше сяло. У нас тут на горе стоят церков, а при въезде в Овчинец стояла мельница, и немцы на этих точках засели, а разведка шла из-за Ипутя, с Унечи. И как только до Ипутя доходят: “Ура!”... В Ипуте не вода была, кров была, столько погибло людей. У нас тут около памятника мало хвамилиш, но я помню, что был такой разговор, что 700 человек погибло за освобождение Овчинца. У нас в одной хатке вот напротив администрации нашей... там стоит маленькая хатка такая, там три раза в атаку сходились... прямо в доме. И был день такой, знайтя, пасмурный, морозящий дождь, 25 сентября.*

И я помню у нас в огороде стояла скирда соломы, и мы были в окопе. И вдруг утром мама нас будит и с сестрой и говорит: “Дети, просыпайтесь, пришли наши”. Это, знаете, передать нельзя, это надо видеть, какая радость была во всех на глазах... Я без слёз вспоминать не могу».

Отступая, немцы старались причинить как можно больше ущерба. Поджигали дома и хозяйственные постройки, а то и все поселение.

Лидия Ивановна Хорунова из села Лопазна рассказала: *«Тамы пошла на тый край, где я жила... там нема ничёга... всё спалено. И скот поубеват и двор спален увесь. Там в окопе сядели, у цыганово деда, а она моя тетка была грамотная женщина. Она положила свою перину напротив желеба. И они кинули гранату туды. Двор спалили, все спалили. Граната спереду заплутала они только дым был. Ну вылязли они оттудавы...»*

Нина Александровна Овсянникова вспоминает: *«Когда отступали немцы, они запалили один дом при въезде в Овчинец, один при выезде. Они отступали на Белоруссию... Чтоб йим ночью было светло отступать... понимаете, вот эти дома горели. Ну а на нашей улице четыре дома сгорело, сгорели просто от снарядов, от пуль... и сельский совет сгорел. Это я помню, как они горели, это я всё помню... потому что мне уже было 8 лет. Мы вечерами сидели у окна и наблюдали, как Клинцы горят, как Унеча горит — отражение [в небе], когда немцы отступали. [В 1943 году] нас освободили: Сураж 23 сентября, нас 25 сентября. Унечу, может, числа 22-го, я не знаю».*

Можно найти подтверждение этим словам и в периодической печати того времени. Газета «Правда» от 18 сентября 1943 года рассказывает об отступлении немцев из Брянска: *«Чувствуя свою обреченность, немецкие дикари стали яростно разрушать город. Они взорвали машиностроительный завод имени Кирова, швейную фабрику, Дом советов, Дом связи. Гитлеровские варвары разрушили все культурные учреждения. В горы битого кирпича превращены городской драматический театр, краеведческий музей, лесотехнический институт, больницы, школы.*

Около Брянска существовал лесной государственный заповедник, в котором

выращивались ценнейшие породы деревьев. Немцы методично уничтожали здесь то, над чем десятилетиями трудились советские ученые. Научный центр мирового значения был осквернен и разрушен».

Освобождение Брянщины закончилось в последних числах сентября взятием нашими войсками Злынки, Гордеевки, Красной Горы.

Вспоминает Вера Павловна Ольховая из села Петрова Буда: *«А мы только вернулись с поселка, мы ж прятались, когда отступали, вот этак мост, через который вы ехали, его взорвали наши солдаты, чтоб немцев задержать, пока они вперед пойдут. Ну, и так мы у дяревню приехали с того поселка, подходит к нам военный и говорит: “Вам надо убраться, здесь счас бой будет, потому что немцы в соседнем сяле, а мы вот здесь”. И мы поехали в Барануку. Вот мы там ночи две переночевали, так тихо всё прошло, что немцев погнали. И мы вернулись домой и стали жить...»*

Лидия Ивановна Хорунова: *«Я тоже жила у тетки там на конце дяревни. У нас дятей много, пятеро детей, а у яё поумирили дети. Она меня забрала. И уже як отступали, я пришла сюды. Отсюда я уже не могла пойти. Уже мамочки моей не было. Повыгнали, кудысь погнали немцы, як отступали. Погнали немцы на луг. А я попала к чужим людям. Мне уже поворота дальше некуды. Загнали усех кто остался. И меня погнали туды, гнали, гнали. Ясь не одну, а богато там людей. Не одну мяне. И пригнали нас у ров. Вот такой большенный ров, к промыю. И дождь лил три дни. Посадили в тэй ров. Там “катюши” снаряд разорвется, тут “ванюша” разорвется. Я мы сидим в дождь ня евши. Малые еси. Немцы из “ванюши” бьют, а наши с “катюши”. Мамочки моей там не было. И тады мне сказали люди, что там и там в противотанковой канаве мои вся сямья. Туда и корову повяли, и свинку даже повяли. Ия иду по Глыбокой туды, в противотанковую канаву, показали мне дорогу. Тады всё зарослей таких не было. Иду: чтось як пчёлы коло мяне — вжжжж вжжж, а это пули так свистали. И мяне и ня убили. Я пришла туды, мене мамочка покормила, хлеба кусок отрезала. Корова ж там наша была, кружечку молока и у тэй окоп посадила мяне, где наши еси дети, и еси там люди было — богато. Я поела и заснула, мокрая ж уся, голодная. Тады мамка моя говоря: “Дачушечка, вставай уже, пойдём домой, уже немцев выгнали”. Идём мы домой во по Песчатке, во тут во, по тэй дороге с противотанковой канавы, а уже лежать, хто над окопом, хто так во руки склавши — убитые, кто так ляжить... убитый... Пришли мы двору. У нас... голодные ж тоже... Пришли мы домой, [нерзб.] была с бульбою у печи стояла, выняли, бабушка наша пришла к нам довидаться с другого края. Поели... и поели всю тую бульбу, во как...»*

Покидая ранее оккупированные населенные пункты, немцы угоняли с собой в плен мирных жителей. Некоторым советским гражданам из-за спешки и неразберихи удавалось сбежать: *«...Мужчин усех забрали, их мобилизовали в июле или даже в первых числах августа, но они разбежались, до реки доехали, до Ипутя, разбежались, не вярнулся только один парень. И так никто не знал, где он, и то ли он пошел туда за линию фронта, то ли он погиб там».*

Отступая, немцы вели за собой и военнопленных. Сердобольные мирные жители не только подкармливали их, но и помогали бежать. Но как правило, после того как они возвращались на освобожденные от немцев территории, их вновь отправляли на фронт, на самые трудные участки, с которых мало кому

удавалось вернуться живым.

Осенью 1943 года после освобождения Брянска фронт в этом регионе передвинулся в направлении Гомеля. Вот как об этом вспоминает Надежда Ильинична Ткачева из деревни Костеничи: *«Мой отец под Рославлем попал в плен, и их гнали на Мглин... Мглин наш рядом тут... И ён тогда утёк. Гвритъ: “Я в хвортку вярнулся (а народу ж тада богато гнали), — говорить, — и вскочил на двор, а там ище один стоить, тоже утёк. И нас, — говорить, — бабка эта спровадила в баню, и мы там в яё бане переночевали. Потом она дала нам грабли, и мы, — говорить, — с граблями, ну, идём на работу. И пошли. А тогда, — говорить, — когда уже освободили Костеничи, всех этих Касяньских (тут многа было таких, что поутекали с плена) всех погнали в Белоруссию на Сож под Гомелем... Гомельская область, Кормянский район, там были сильные бои...»*

Операция по освобождению Гомельской области началась 23 сентября 1943 года. К октябрю советским войскам удалось форсировать Десну, Сож, Днепр. Начались ожесточенные бои за освобождение восточных районов Белоруссии. Кормянский район, упоминаемый Надеждой Ильиничной, был освобожден лишь спустя два месяца.

«И туда погнали майго съвёкра. И вот када мой отец уже ииёл с боя зь раненой рукою, мужа майго отец... вяли в бой его. Вот ён спрашивает: “Илля, а что тебя ранило?” А ён говорить: “У руку”. — “Ой, брат мой, який ты счастливый, я так боюсь, чтоб мяне в живот не ранило!” И в том бою его снайпер убил. Сядели яны в окопе, с своим соседом, и ён закурыв... Закурыв, и снайпер яго в голову, и там же яго закопали... Огонёк заметив, ён закурыв. Тэй там погиб».

Брянскую область полностью освободили 28 сентября 1943 года, но для всех война продолжалась. На заводах стали производить оружие и технику для солдат.

После снятия оккупации мирная жизнь наладилась не сразу. Немцы, отступая, поджигали дома, некоторые населенные пункты были сожжены до половины, а то и больше.

Как нелегко было восстанавливать нормальную жизнь, нам рассказала Екатерина Онуфриевна Мельникова из деревни Шамордино: *«Ну приехали и на всё сяло быв сарай, тамочка, ну, коровник одных не сгореу, и наша хата не сгорела... И сарай, было две постройки. А людей же... наше село, тады рядом, тады ище посёлочки, ну богато людей, иде же родич який прочу вся, дак у нас ужо забита тая хата была всё... а спали и где, солому постелем».*

Когда война закончилась совсем, в семье стали возвращаться мужчины. Не все солдаты сразу пришли с войны, а многие не пришли вовсе. О возвращении мужчин мы слышали в деревне Костеничи такое: *«После войны уже сильно пели у нас в Костеничах. Вот женщины, удовы особенно, собярутся на работу, уже ж колхозы восстановили... Прыдутъ на работу, особенно хто в бригаде, в поляводстве работал. Вот они сядуть песню петь: и пяють, и плачуть. Которым пришёл с войны, той хорошо петь, которым не пришли — сидять и, сварять, поём и плачем. Это мне свекров рассказывала.*

И тады уже в 45-м году... [не сразу] все попришли... А вось, работаем на поле, идетъ солдат по дороге. Ну, кажем: “Чий жа это идетъ, чий жа это идетъ?”

И все, говорить, бягим яму на встречу. Прибягим, и тый или ня тый... То ня мой... А чей идет, той уже радость большая».

На оккупированных территориях с небывалой радостью праздновали День Победы. Об этом нам тоже рассказывала жительница села Овчинец Нина Александровна Овсянникова: *«Ну а когда День Победы был, это мне было уже 10-ть, это вообще... нельзя передать. Село всё и пело, и плясало, и забыли о том, что похоронки попришли, такая была радость. Радио у нас не было в селе, я не знаю, откуда люди узнавали...»*

И все-таки раны, нанесенные войной, не заживут никогда.